

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-443-451

Гачев ушел, но остался с нами

Е.И. Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, ГСП-3

Судьба одарила меня прикосновением к уникальному миру Георгия Дмитриевича Гачева — возможностью услышать его добрые слова, его суждения о моей докторской диссертации. Изучая национальный образ мира родного российско-немецкого этноса, явленный в его литературе, и соотношение жанровых и этнических процессов, я была вдохновлена трудами Г.Д. Гачева как крупнейшего исследователя национальных образов мира, автора теоретических работ по жанру. Георгий Дмитриевич должен был быть первым оппонентом моей докторской диссертации на тему «Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв.». Защита в МГУ им. М.В. Ломоносова была назначена на 5 июня 2008 года, Георгия Дмитриевича не стало 23 марта. Его цельный отзыв о диссертации находится, пожалуй, там, откуда Воланд извлек рукопись Мастера... Я с благодарностью вспоминаю теплое рукопожатие Георгия Дмитриевича, его горячую поддержку.

Имя Гачева сопровождало меня с раннего студенчества. Помню, как в 1990 году в читальном зале я, студентка-первокурсница, оторвала удивленный взгляд от книги («Надо же!»), в которой — вот она! — ухваченная и сознанием, и подсознанием истина, а законспектировать ее можно, только приложив сотворческие усилия. И мне, 17-летней, такое сотворчество, помню, стало очень интересно. Передо мной тогда лежала книга Георгия Дмитриевича Гачева о национальных образах мира. Конспектирование Гачева — совершенно особенное занятие. Сохранилась тетрадка с теми записями. Я и продолжала в ней мысли Георгия Дмитриевича, и рисовала, и записывала обрывки своих новорожденных стихов — словом, пела душой.

Необъяснимый (но факт) сплав науки и искусства живет в неподражаемом гачевском стиле. Его научная мысль явно живая, не только концептуально, но и стилистически захватанная. Парадокс, который объясним уникальностью его личности: своими метафорическими изгибами мысль Гачева должна бы уклоняться от прямого понимания, но попадает прямо, причем одновременно в душу и разум, в правое полушарие и левое. Гачевым нельзя было не заинтересоваться, не заболеть.

© Зейферт Е.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Уже в кандидатской диссертации на тему «Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века», защищенной в 1999 году в Алматинском государственном университете им. Абая, моя опора на Гачева стала фундаментальной, методологической — именно его разработанное вместе с В. Кожинным определение жанра как «отвердевшего содержания» легло в основу работы. На моих глазах выстраивалась модель жанра романтического отрывка как лирического манифеста с неповторимыми формально-содержательными признаками — графическим эквивалентом текста, начальными и финальными многоточиями и неполными строками и др.

В 1997—1998 годы, помимо работы над кандидатской, преподавания в вузе и литературно-критической работы, я начала реализовывать свою мечту изучать национальные образы мира. Именно в 1998 году во мне обостренно проснулась этничность — пожалуй, только в 23—24 года я стала осознавать себя не русской, не немкой, а российской немкой. И на помощь вновь пришел фонтанирующий идеями Гачев.

Его имя, ликующе и жизнерадостно, произнес и казахстанский литературовед, доктор филологических наук Виктор Владимирович Бадиков, когда в 1998 году спросил меня: «Какие научные вопросы интересуют вас, Лена, помимо жанроведения?» Я тут же ответила: «Национальный образ мира в литературе!» И он сказал: «О, это Гачев!», обняв этим именем весь спектр мнений, проблем, этнических переживаний.

Через годы именно Виктор Бадиков стал консультантом моей докторской диссертации.

Странная, страшная игра судьбы с цифрами. 17 марта 2008 года я в последний раз разговаривала с Георгием Дмитриевичем. 23 марта он погиб. 17 апреля ко мне в последний раз позвонил Виктор Владимирович. Он погиб в автокатастрофе 23 апреля 2008 года. Мой очерк памяти В. Бадикова опубликован в трудах конференции, проведенной в честь 70-летия Виктора Владимировича его родным вузом — Казахским национальным педагогическим университетом им. Абая.

Лично с Георгием Дмитриевичем Гачевым в 2007 году меня познакомила его ученица, исследователь художественного билингвизма, доктор филологических наук, профессор РУДН Улданай Максutowна Бахтикиреева. Ее докторская диссертация «Художественный билингвизм и особенности художественного текста писателя-билингва» опирается на фундаментальные идеи Г. Гачева об особых ментальных и творческих возможностях двуязычного или многоязычного писателя. В одном из разговоров о моей докторской Улданай дала мне номер телефона Георгия Дмитриевича и тем самым подарила ни с чем не сравнимую радость личного общения с ним.

В 2008 году для Улданай я стала, к сожалению, дважды вестницей смерти. В марте первая сообщила ей о смерти Георгия Гачева, в мае — увидев сообщение в новостной линейке mail.ru — о смерти тоже ставшего для нее близким человека — Чингиза Айтматова.

Передав Георгию Дмитриевичу в Перedelкино свою монографию «Жанровые процессы в поэзии российских немцев первой половины XX — начала XXI вв.», изданную по одноименной докторской диссертации (книга получилась под ты-

сачу страниц), я не осмелилась сразу позвонить и узнать его мнение, но — о чудо! — Георгий Дмитриевич сам разыскал меня через Улданай. Великие люди просты. Их импульсы непостигаемы. Когда Георгий Дмитриевич позвонил мне, рядом с Улданай находилась доцент Р.Г. Баяманова из Караганды, ранее — моя преподавательница, потом коллега, с которой мы проработали долгое время в одном вузе.

Я позвонила Георгию Дмитриевичу. Узнав меня, он начал говорить еще более открыто, добро. Он был бесконечно рад моей любви к родному этносу и щедро говорил об этом. «Лена, так любить свой народ — подвиг!» — такие фразы не забудешь. Я благодарна за это доброе дуновение в моей жизни!

Для меня было важно исследовать литературу родного этноса, будучи российской немкой. Наверное, у каждого человека есть своя этническая миссия. Очевидно, одним из моих этнических заданий как литературоведа, стиховеда был комплексный теоретический анализ российско-немецкой поэзии. Недаром острый интерес к своим национальным корням и изучению родной литературы возник у меня именно в 1998 году, когда я завершила кандидатскую диссертацию и стала, как говорится, квалифицированным научным специалистом.

О гибели Георгия Дмитриевича я узнала от своей московской подруги. У нее в сентябре 2007 года родился сын, которому счастливые супруги, Ирина и Дмитрий, дали имя Георгий. Я сразу же сказала Ире: «Вы назвали сына в честь Гачева!» Она заинтересовалась его личностью, и я рассказала о Георгии Дмитриевиче, а Дима, кандидат философских наук, поддержал меня. Когда дочь Георгия Дмитриевича Анастасия Гачева передала информацию о гибели отца на радио «Эхо Москвы», Ирина услышала эту новость и написала мне по E-mail два слова: «Умер Гачев». Я сразу позвонила в МГУ, Олегу Алексеевичу Клингу, там еще не знали. Он завел речь о замене оппонента, и замена произошла практически сразу, но у меня земля ушла из-под ног. Смерть Георгия Дмитриевича перевернула сознание. Я не спала две ночи...

Канал «Культура» транслировал кадры, где Гачев живой. Было больно смотреть. Я читала тогда его книги. Ставя их обратно на полку, прикасалась к их корешкам пальцами. Вспоминала последний разговор с Георгием Дмитриевичем, живые ноты его голоса.

...Сердце еще не знало, как — нет, не восполнить! — как хотя бы немного прикрыть возникшую в нем лакуну, боль не отпускала ни на секунду.

На следующий день после ухода Георгия Дмитриевича я разговаривала с его дочерью Анастасией... Тон диалога был горячим, доверительным, взволнованным. У Анастасии удивительно отзывчивое сердце, в полной мере отразилась в ней душа ее отца. Семья Гачевых — Георгий Дмитриевич, Светлана Григорьевна (известный ученый, доктор филологических наук) и их дети — воспринимается как счастливая, полнокровная частичка бытия, клеточка Божьего сознания. Анастасия Георгиевна, сама того не зная, помогла осознать, что произошло со мной — смерть Георгия Дмитриевича всколыхнула, даруя особую трепетность познания жизни и особое, в бытийном смысле жизнелюбие. Я стала немного новой. Правда, это было очень болезненно, на живую. По воле судьбы я теперь всегда буду жить в состоянии предвкушения диалога с Георгием Дмитриевичем.

И как человек, и как ученый Георгий Гачев обладал «особым талантом зрения».

Его интересовала «гносеология»: «какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой Космос (миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования». Национальные образы мира из книг Гачева словно оживали у меня в сознании, пересекаясь с разными его ипостасями. Я ценю труды Георгия Дмитриевича как человек, родившийся в Казахстане, живущий в России, как на три четверти российская немка, на одну четверть еврейка. Казахстанский и российский, немецкий и еврейский национальные образы мира взаимодействуют в моем сознании и подсознании.

Этническую картину мира казахов Гачев представил в своей книге «Национальные образы мира Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия)» на примере романного творчества Роллана Сейсенбаева. Г. Гачев выступил и автором вступительной статьи к новому собранию сочинений Р. Сейсенбаева, увидевшему свет в 2008 году, уже после смерти ученого.

Не успела я в Караганде ознакомиться с гачевской работой о казахском национальном образе мира, как в мою жизнь вошел этот известный казахстанский романист, алматинец Роллан Сейсенбаев, чьи романы были предметом углубленного рассмотрения Гачева. Роллан Шакенович в 2003 году приехал по литературным делам в Караганду, и между нами завязалась крепкая творческая дружба. Я много писала по просьбе Роллана Шакеновича — литературные обзоры, рецензии, интервью; стала членом редколлегии его журнала литератур народов мира “AMANAT”, участницей организуемых им фестивалей; под эгидой Международного клуба Абая, президентом которого является Роллан Шакенович, выпустила в свет сказочную этнофилологическую повесть о Караганде.

Глубоко и многосторонне Гачев постиг и немецкую ментальность. Если сопоставить этнические картины России и Германии, то, по выводам Г. Гачева, для германцев «роднее» время, для русских — пространство; Германия — вертикаль (“Tiefe” («глубина»), “Höhe” («высота»), “Stammbaum” («родословное древо»)), Россия — горизонталь («бесконечные просторы»); у Германии — мужское начало, у России — женское; в Германии преобладает ургия («немец просто органически не может работать плохо»), в России — гонимая. Модель мира для немцев, по Г. Гачеву, — дом. Для русских — это направление в бесконечность, путь-дорога. Сделаем обобщение: у российских немцев обнаруживается совмещение этих двух моделей — путь-дорога к дому. Германии, в том числе немецкой философии, Г. Гачев в своих трудах уделил большое внимание. Так, в своей работе «Осень с Кантом. Образность в “Критике чистого разума”» ученый предлагает «перепрочтение» философской доктрины Канта о «чистом разуме», видя в основе «строгих» терминов образность, метафору.

Одной из задач моей докторской диссертации была реконструкция этнической картины мира российских немцев посредством изучения литературных источников (в связи с заявленной темой в большинстве своем поэтических; прозаические источники иногда привлекались в качестве фона), в основном периода второй половины XX — начала XXI вв., а также привлечения исторических, публицистических, эпистолярных источников.

По мнению Г. Гачева, в германской модели мира заложено противоречие «механического повиновения немцев любой власти» духу отрицания, «динамическому духу германства, склонности к протесту»¹. Подобное противоречие не могло не найти отражения в критических для российских немцев ситуациях (депортация, трудармия, спецпоселение, эмиграция). В Германии и в России «преобладает растительный символизм», потому что немецкий и русский народы искони ведут оседлый образ жизни.

У российских немцев наблюдается обостренный интерес к растительной символике, поскольку, будучи оседлым народом, российские немцы были вынуждены вести «кочевой» образ жизни. Анализ российско-немецкой басни показывает преобладание флористических образов над более традиционными для басни анималистическими. Внимание во всех жанрах и внежанровых стихотворениях уделяется хрупким растениям (Вильмс В. «Я былинка...»), в том числе растениям, потерявшим корни. Особенно распространен образ «перекати-поле», вошедший и в образное самоопределение российско-немецкого народа: «Мы не пыль на ветру, мы не перекати-поле...».

Актуализируются образы семян, легко переносимых ветром: «Подхватит ветер / спелое зерно / и унесет в края чужие, / чтоб на обочине / тропы неведомой / взошло / под тем же небом, / но в земле другой...» (Гизбрехт А. «Я колос в поле...»).

В качестве важных черт русской национальной картины мира Г. Гачев называет «необъятный простор» России и то, что Россия затягивает чужеземцев². Бескрайний простор предполагает горизонтальное измерение и отсутствие границ. Неприкаянность русского характера («не находить себе места»), явленная в таких классических произведениях, как, к примеру, «Очарованный странник» Н. Лескова, не зависит от гонений. Российские немцы же становятся неприкаянными вследствие произвольных или непроизвольных перемещений.

В качестве ведущих черт российско-немецкой ментальности можно выделить осознание окруженности своего чужим, бытования внутри другого, генетический страх перед изгнанием. Российско-немецкая культура должна развиваться не экстенсивно, а интенсивно — в противостоянии вынужденному пути скитаний, в стремлении направить путь к дому, в желании защитить свое малое пространство.

Сугубо русские черты — пассивность субъекта установки, связанная с идеей непредсказуемости мира («авось»); стремление к воле; щепетильность; задушевность, нередко доходящая до фамильярности, противоположной западноевропейскому представлению о неприкосновенности личной сферы («небось», «лезть в душу»); беспечность и лень (о которой прямо пишет, к примеру, Н. Бердяев³) — в полной мере не присущи российским немцам.

«Евразийское призвание делает Германию и Россию близкими и понятными друг другу и в культуре, и в типе психики — внутренне сосредоточенной, рефлектирующей»⁴. Это усиливает гибридность российско-немецкой культуры.

¹ Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. С. 115.

² Гачев Г. Указ. соч. С. 207.

³ Бердяев Н. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности / Репринт. воспроизвед. изд. 1918 г. М.: Философское общ-во СССР, 1990. С. 64.

⁴ Гачев Г.Д. Указ. соч. С. 122.

Отдельные русские и немецкие черты приобретают у российских немцев некий гибридный характер: немецкое трудолюбие плюс русская лень, немецкая дистантность плюс русская душевность, фамильярность, немецкая организованность и деятельность плюс русская беспечность и пассивность.

Некоторые элементы немецкого или русского менталитета российские немцы вообще не перенимают. Так, дуальность ценностной ориентации русской культуры (Ю. Лотман), оппозиция «высокого» и «низкого» («в частности как низкое часто воспринимается все, что связано с повседневной жизнью, житейской устроенностью и материальным достатком»¹) не свойственна российским немцам, у которых, напротив, выявляется связанное с культом дома внимание к быту, даже поэтизация быта (стихотворения В. Шнитке о детстве в немецкой деревне), желание поднять материальный достаток (Янке С. «Разбогатеть смогу я без труда»).

У российских немцев наблюдается большая склонность к немецким чертам, чем к русским, что объяснимо генетически. В то же время перенять весь спектр черт немецкой ментальности российские немцы не могли, так как их предки попали в Россию еще до того, как окончательно сформировалась немецкая нация².

Каждый естественный язык отражает определенное мировоззрение, языковую картину мира. Российские немцы пользуются словами двух языков — немецкого и русского, интуитивно принимая их смыслы как готовые истины. Поскольку российско-немецкий этнос является двуязычным и своего рода двументальным, для языковой картины мира российских немцев важны и немецкие, и русские слова. Анализ немецкоязычных и русскоязычных произведений российских немцев определяет их интерес к лингвоспецифичным словам обоих языков. Комбинация данных слов составляет уникальный набор культурно значимых для российско-немецкого народа концептов.

Российские немцы в чистом виде не перенимают русские и немецкие ключевые идеи. Перечень русских идей представлен в научном сборнике А. Зализняк, И. Левонтиной, А. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира»³. Немецкие ключевые слова исследовали Н. Мекленбург, А. Вежбицкая⁴ и др. О русском и немецком национальных образах мира обстоятельно пишет Г. Гачев⁵.

¹ Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. О пошлости и прозе жизни // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 175.

² Harold J. Deutsche Identität. 1770—1990 / Aus dem Englischen von W. Müller. Frankfurt: New York, 1991. S. 17. [Гарольд Дж. Немецкая идентичность. 1770—1990 / пер. с англ. В. Мюллера. Франкфурт: Нью-Йорк, 1991. С. 17]; и др.

³ Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 11.

⁴ Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 44—122; Mecklenburg N. Rettung der Besonderen. Konzepte für die Analyse und Bewertung regionaler Literatur // Kolloquium zur literarischen Kultur deutschsprachigen Bevölkerungsgruppen im Ausland. Referate und Auswahl bibliografie. Hrsg. A. Ritter. Flensburg, 1984. S. 10—14. [Мекленбург Н. Спасение особенных. Концепты анализа и оценки региональной литературы // Коллоквиум по литературной культуре немецкоязычных групп населения за рубежом. Доклады и выборочная библиография / Сост. А. Риттер. Фленсбург, 1984. С. 10—14].

⁵ Гачев Г. Национальные образы мира. С. 112—127, 207—215.

Из выделяемых учеными русских концептов «душа», «судьба», «тоска», «счастье», «разлука», «справедливость» к российско-немецкой картине мира близки «тоска» и «справедливость», однако и они отнюдь не идентичны российско-немецким ключевым идеям “das Heimweh”/«тоска по родине» и “das Recht”/«право».

Многую были подробно рассмотрены основные российско-немецкие ключевые понятия “das Heim”/“die Heimat”/«(родной) дом»/«Родина», “die Angst”/«страх (из-за уязвимости)», “der Weg”/«путь», “die Verbannung”/«изгнание», “die Hoffnung”/«надежда». «Нация — это прежде всего территория. Народ — это прежде всего тела людей. Народ может перемещаться, изгоняться, рассеиваться»¹. Российско-немецкий народ — один из народов-изгнанников, чем прямо обусловлено формирование именно этих ключевых понятий.

Следуя уникальной методике выявления национальной модели мира Г. Гачева, Космос российских немцев можно определить как путь к дому, Логос — острое желание законного отношения к родному этносу, Психею — состояние постоянной уязвимости. Свойственная русскому народу широта, экстенсивность, во многом обусловленная влиянием на русского человека бескрайних русских просторов, не может быть в полной мере свойственна российским немцам, интенсивность культуры которых вытекает из противостояния открытости пути изгнания.

Г. Гачев называет германской моделью мира именно Дом: «...все видится как структура (мир — миро-здание) с разделением на внутреннее, где “Я”, и внешнее, где “Не-Я”, то есть диалог: Дом — Пространство»². Отличие германской (Дом) и российско-немецкой (стремление к Дому) моделей мира — в наличии Дома и отсутствии его (во втором случае — отсутствии Дома, но пути к нему, намерении его обрести).

Считаю, что последняя моя встреча с «живым» Георгием Гачевым, фрагмент моего прощания и продолжения знакомства с ним — это вечер памяти в честь 80-летия ученого, прошедший 17 мая 2009 года в ЦДЛ. В фойе гостей встречала выставка — цельный взгляд на жизнь и творчество Гачева. Экспозиция из фотографий, отражающих «спайку жизни и мысли», которую проповедовал Гачев, его портретов, написанных в числе других авторов его дочерью Ларисой, цитат из дневников Георгия Дмитриевича впускала в свое пространство, как в дом, как в кольцо рук. На одной из работ руки дочери — Гачев с черной книгой в руках, под яблоней... Учеба в МГУ, работа учителем в Брянске, черноморский флот, Институт мировой литературы, жизнь в Переделкино... С фотоснимков разных жизненных вех смотрел Гачев молодой и Гачев не стареющий.

Начали вечер каждением и поминальной молитвой. Память о Георгии Дмитриевиче, родившемся в канун Пасхи, всегда будет связана с этим светлым праздником.

Слайды из жизни Г. Гачева от младенчества до зрелого возраста, видеок cadры его разговоров, выступлений... Пальцы Гачева энергично стучат по клавишам печатной машинки, лицо сосредоточено. Многие его реплики вызывают живую,

---

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. С. 21.

² Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. С. 24.

теплую улыбку. «Журналист злободневен, я доброгоден». О жене Светлане: «Хотел получить секретаря, а получил Сократа». Для аналогии с собой находит образ старицы, бытующей на обочине. Называет благодетелями врагов, по воле которых в свое время вышел на простор абсолютной свободы творчества, — не публиковали и тем самым дали свободу. Компьютер одну за одной перелистывает страницы «жизнемыслей» Георгия Гачева — картинки из жизни и рядом книги, вышедшие, правда, значительно позже тех лет. «Каждый миг жизни священ, я должен раскупорить его смысл, раскрыть его и записать», — говорит нам живой Гачев.

Светлана Григорьевна Семенова, вдова Георгия Дмитриевича, рассказала, как отец Георгия Димитр прививал сыну вселенское восхищение всеми этажами бытия. Сын доделал то, что в зачатке нес его отец. «Отец бьется во мне, он колотится во мне всю жизнь», — говорил Георгий Дмитриевич.

Гачев жил, углубившись в себя. Ничего не смывал, все, даже самое приниженное, доверял дневнику в непрерывной исповеди. Светлана Григорьевна не знает более откровенного дневника, чем у Гачева. Он мечтал о единственной женщине. 24 марта 1966 года он написал в дневнике: «Господи, пошли мне женщину, которая освободит меня от других женщин». Через несколько дней он повстречал Светлану Семенову.

Притягательны искренность, «исповедь», «самопредставление» Гачева как человека, которому есть, что высказать миру, есть, что сказать о себе. Георгий Дмитриевич был полон планов — работа над книгами и статьями, поездки в Италию, Болгарию. Его работа не остановилась. Давайте продолжим ее.

Гачев ушел, но остался с нами. «Есть кадры бытия, когда прошедшее еще не стало прошлым...» Еще не изданы его новые работы, в том числе новейший его эксперимент — «Национальные образы Бога». Узнавание Гачева еще впереди. Он искал сходство людей и их «возлюбленную непохожесть». И самые разные люди помнят и любят его.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.03.2019

Дата принятия к печати: 14.06.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Зейферт Е.И. Гачев ушел, но остался с нами // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 443—451. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-443-451

Сведения об авторе:

Зейферт Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: elena_seifert@list.ru

Gachev Has Gone, but Still with Us

Elena I. Seifert

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., GSP-3, 125993, Moscow, Russian Federation

Article history:

Received: 14.03.2019

Accepted: 14.06.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Seifert, E.I. 2019. “Gachev Has Gone, but Still with Us”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (3), 443–451. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-443-451

Bio Note:

Elena I. Seifert is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Theoretical and Historical Poetics in Russian State University for the Humanities. E-mail: elena_seifert@list.ru